

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.7>

Лю Цзыюань

ФИЛОСОФСКИЙ РАКУРС РАССКАЗА И. А. БУНИНА "ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ"

Статья посвящена осмыслению одного из ключевых произведений "позднего" Бунина в философском дискурсе. "Темные аллеи" открывают цикл рассказов с тем же названием - и таким образом выступают в качестве титульного произведения ко всему циклу рассказов о любви. Статья рассматривает название произведения, сложный образ главного женского персонажа, повествование, неоднозначность человеческих оценок. Показано, что философский ракурс повествования становится еще одной творческой доминантой поздней прозы Бунина, заданной уже первым рассказом цикла "Темные аллеи".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 2. С. 241-244. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-32

Дата поступления рукописи: 16.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.7>

Статья посвящена осмыслению одного из ключевых произведений «позднего» Бунина в философском дискурсе. «Темные аллеи» открывают цикл рассказов с тем же названием – и таким образом выступают в качестве титульного произведения ко всему циклу рассказов о любви. Статья рассматривает название произведения, сложный образ главного женского персонажа, повествование, неоднозначность человеческих оценок. Показано, что философский ракурс повествования становится еще одной творческой доминантой поздней прозы Бунина, заданной уже первым рассказом цикла «Темные аллеи».

Ключевые слова и фразы: И. А. Бунин; рассказ «Темные аллеи»; образ главного персонажа; человеческая натура; духовное неравенство; сложность и неоднозначность человека; философский подход.

Лю Цзыюань*Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток**Университет Цзямусы, Китайская Народная Республика**kaiji1985@163.com*

ФИЛОСОФСКИЙ РАКУРС РАССКАЗА И. А. БУНИНА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»

Приступая к анализу рассказа Ивана Бунина «Темные аллеи» (1938), необходимо прежде всего обратить внимание на название текста и попытаться понять, какой смысл вкладывал художник в понятие-образ «темные аллеи», ибо именно это понятие-метафора становится камертоном всего цикла.

Прежде исследователи уже обращали внимание на то, что в качестве заголовка Бунин избирает образ, зафиксированный в лирическом стихотворении Николая Огарева «Обыкновенная повесть» (1842):

*«Была чудесная весна!**Они на берегу сидели –**Река была тиха, ясна,**Вставало солнце, птички пели;**Тянулся за рекою дол,**Спокойно, пышно зеленея;**Вблизи шиповник алый цвет,**Стояла темных лип аллея»* [9, с. 54-55].

На связь названия рассказа с элегией Огарева указал сам Бунин, зафиксировав в одной из заметок «Происхождение моих рассказов» следующее обстоятельство:

«Перечитывал стихи Огарёва и остановился на известном стихотворении: “Была чудесная весна!” <...> Потом почему-то представилось то, чем начинается этот рассказ, – осень, ненастье, большая дорога, тарантас, в нём старый военный... Остальное всё как-то само собой сложилось, выдумалось...» [2, с. 371].

Однако следует задаться вопросом о том, почему цикл рассказов о «светлом» чувстве любви Бунин называет оборотом с использованием эпитета «темные». Можно предположить, что в конце своей жизни, когда художник приступал к созданию рассказов-воспоминаний о любви, чувстве влюбленности не виделось ему слишком радужным. К тому же мотив воспоминаний, к которому обращается писатель уже в первом рассказе, заставляет апеллировать к далекому прошлому – к памяти о его грустной (и трагической) любви к Варваре Пашенко, к воспоминанию о тяжелом разрыве молодых людей, о попытке самоубийства начинающего художника и, несомненно, о ранней смерти Вареньки. Таким образом, название рассказа «Темные аллеи» задает ракурс обращения (ориентации) внутреннего творческого зрения художника к прошлому, к былому, к давно прошедшему, изначально формирует одну из главных констант позднего бунинского творчества – *категорию памяти*. Именно память станет одной из важнейших доминант мотивной структуры первого рассказа и, как следствие, всего цикла. Темные аллеи памяти станут тем поэтическим хронотопом, в котором будут разворачиваться события первого рассказа и сюжетные линии всех последующих текстов цикла.

Категория памяти, реализуемая на основе мотива воспоминаний главного героя в рассказе «Темные аллеи», задает философский ракурс текстам всего цикла и, что еще более важно, заставляет в рассказах о любви видеть размышления художника о смысле человеческой жизни вообще. Таким образом, наряду с концептом «память» в тексте Бунина – уже в рамках первого рассказа – вызревают категории «высшего уровня», проблемы «вечные»: любовь, смысл человеческой жизни, проблемы счастья, жизни и смерти. Данные фундаментальные концепты будут пронизывать весь цикл «Темные аллеи» и в каждом новом рассказе дополняться мотивами, усиливающими художественные категории названных выше доминантных констант.

Сюжетную основу рассказа «Темные аллеи» составляет встреча двух героев, в молодости бывших возлюбленными, но расставшихся на долгие годы. Понятно, что идейный центр рассказа определяет неожиданная встреча героев, выявляющая мотив несостоявшейся, несчастной любви, которую пережили герои, и с наибольшим драматизмом – героиня по имени Надежда. Обыкновенно при анализе рассказа именно на образе главной героини и делается акцент – симпатии исследователей и читателей, как правило, отданы ей. Однако, на наш взгляд, следует рассмотреть систему образов рассказа с учетом принципа симметрии, равнозначности и уравновешенности образов обоих героев.

Повествование в «Темных аллеях» открывает пейзаж – зарисовка дней холодной осени – «холодное осеннее ненастье» [3, с. 7], когда героям предстоит вновь встретиться после долгих лет разлуки. Прием природно-психологического параллелизма позволяет понять, что Бунин формирует хронотоп осени не только в плане пейзажно-изобразительном, но и в плане метафорическом – как отражение периода человеческой жизни, осени, когда он – уже «старик» [Там же], ему «под шестьдесят», она – «в возрасте», ей «сорок восемь» [Там же]. Однако живость и открытость чувств постаревших героев показана Буниным с первых строк. О главном герое повествователь говорит: «...в тарантасе <сидел> стройный старик-военный в большом картузе... еще чернобровый, но с белыми усами, которые соединялись с такими же бакенбардами» [Там же]. Эпитет «стройный», номинант «военный», наречие «еще» придают существительному «старик» дополнительные характеристики – сила, стройность, уверенность в себе «старого» героя-персонажа. Герои немолоды, но чувства их (как покажет повествователь) еще способны возродиться, ожить. Герои Бунина постаревшие, но живые, полные чувств и эмоций.

Повествование в рассказе ведется от третьего лица, объективного повествователя-нарратора. Но тональность изложения событий такова, что обращает на себя внимание ощущение близости героя-повествователя и героя-участника событий. Прием несобственно-прямой речи создает в рассказе атмосферу искренности, интимности, подлинности. Голос повествователя и голос героя как будто бы сливаются, накладываются, пересекаются, порождая ощущение исповедальности и доверительности в восприятии изображаемых событий. Субъективная тональность повествования актуализирует психологический план повествования, выдает и передает потаенные чувства и скрытые переживания героев.

Повествователь сознательно подчеркивает внешнее сходство героев, намеренно дает им близкие по своей сути характеристики, и эти акценты будут усилены автором впоследствии в ходе сюжетного развития действия. Более того, в моменты общения героев контраст одного будет переходить на другую, и наоборот, ее красный цвет окажется в системе характеристики героя: он «покраснел» [Там же, с. 9], «краснея сквозь седину» [Там же], «покраснел до слез» [Там же] и др. Она же в свою очередь будет вбирать в свой портрет его краски: ее образ «темнеет» [Там же, с. 8-10].

Встреча давних возлюбленных, расставшихся и не видевшихся много лет, программирует конфликтные отношения, некое сюжетное столкновение между героями – они прежде были возлюбленными, теперь нет. Поэтому хронотопы героев оказываются разными, до определенной меры противопоставленными.

Как правило, исследователи прибегают к оценочности бунинских персонажей, используют аксиологические ракурсы осмысления их поступков и поведения. Так, о главном герое повествования большинство исследователей пишет так, как это сделал В. Я. Гречнев. По мнению исследователя, герой Бунина «только в конце жизни уразумел... такую, казалось бы, простую истину: любовь не имеет ничего общего со всякого рода расчетами и логически убедительными соображениями... Николай Алексеевич многое предусмотрел, выбирая себе жену в свой петербургский дом. Не смог предусмотреть он лишь такую “малость”, как взаимная любовь. И наказан он был не только вероломством жены, но и сыном-“негодяем”» [4, с. 227].

Однако, на наш взгляд, Бунин не стремился осудить «вероломство» героя, писатель хотел понять человека (в том числе и себя), найти объяснение противоречивости и неоднозначности человеческой природы. Потому образы обоих героев рассказа «Темные аллеи» у Бунина оказываются неоднозначными (как уже было отмечено, контрастными): это не «положительная» Надежда и «отрицательный» Николай, а более сложная система отношений людей, более тонкое понимание их взаимоотношений, психологии.

При этом то обстоятельство, что герой рассказа в финале снова отправляется в дорогу, а не остается с героиней, свидетельствует о том, что размышления Бунина не имеют конца, не знают своих пределов, как и обстоятельства человеческой жизни. Скорее наоборот, загадка человеческих отношений оказывается замкнутой внутри композиционного кольца, созданного образом тарантаса, открывающего и закрывающего повествование, как бы усиливающего ощущение цикличности, повторяемости всего происходящего, всех «обыкновенных» историй.

Итак, образы Надежды и Николая Алексеевича у Бунина не столь одноплановы и не так однозначны, как традиционно считают исследователи. Обычно литературоведы пишут о том, что образ героя – порочен, героиня, верная своей давней любви, – почти идеальна. (Здесь можно даже предположить, что образ Надежды мог быть создан в ориентации на образ Татьяны Лариной у А. С. Пушкина из романа в стихах «Евгений Онегин»). Однако философичная позиция автора заставляет более «критично» и одновременно более «благожелательно» отнестись к каждому из персонажей и увидеть их различные противоречивые стороны.

Кажется, что Бунин создает образ героини как образ традиционной героини мировой и русской литературы, в котором сочетаются сила любви, верность возлюбленному, но непонимание ее со стороны героя. Действительно, о героине говорится, что Надежда в восемнадцать лет горячо любила героя, но была им «бессердечно» [3, с. 10] брошена, и даже по прошествии многих лет она продолжала любить своего избранника, по ее словам – «весь век» [Там же]. Верность героини первой любви («все одним жила» [Там же]), умение сохранить в себе былую любовь, способность пережить обиду и перенести «все прочее» («сколько раз я хотела руки на себя наложить» [Там же]) вызывают читательскую симпатию к героине и свидетельствуют о ее мужественности. Казалось бы, именно такой и выписывает Бунин свою героиню. Однако если вчитаться в текст, то становится ясно, что образ Надежды не столь целен и позитивен, как могло показаться на первый взгляд. Если не быть пристрастными, то станет ясно, что Бунин создает образ более жизнеподобный, более реалистичный.

Уже первое появление героини в пространстве рассказа сопровождается коннотациями, которые в малой степени соответствуют образу идеальной героини. Во-первых, героиня названа цыганкой и гусыней [Там же, с. 8], во-вторых – ее внешность изображена скорее отталкивающей, чем притягивающей. Героиня была похожа

«на пожилую цыганку», «с треугольным, как у гусыни, животом» [Там же]. Если о молодой героине многократно повторено – «как хороша ты была! <...> как прекрасна!» [Там же, с. 10], то в момент встречи героев она показана даже в определенной мере отталкивающей, малопривлекательной, не привлекающей внимания проезжающего: «невнимательно ответил» [Там же, с. 8]. Даже рассказ Клима о «ростовщичестве» [Там же, с. 11] героини звучит снижающее. И, как показывает текст Бунина, подобные коннотации не связаны с прошедшими годами, с приближающейся старостью героини. Писатель дает понять, что влюбленный молодой герой не мог разглядеть недостатки героини, тогда как теперь они вылились и воплотились в ее внешности.

Многие исследователи говорят о том, что причиной расставания героев было социальное неравенство. И это суждение справедливо: действительно, первой и основной причиной было «зависимое» положение крестьянки Надежды. Но только социальным ракурсом Бунин не ограничивается. Писатель пытается разглядеть глубинные корни «несовпадения» героев.

Казалось бы, прошедшие годы «сняли» причины социального неравенства героев – Надежда получила вольную, теперь она владеет постоянным двором, по-своему богата, состоятельна. Однако, как показывает Бунин, даже сейчас Надежда не может понять суть и причины расставания героев. Тогда как герой почувствовал это тогда и еще более здраво осознает теперь.

И главной причиной невозможности соединения героев (тогда и теперь) Бунин делает *духовное* неравенство героев.

Понять духовную несовместимость героев помогают стихи, которые молодой герой читал своей возлюбленной в юности. Стихи о «темных аллеях». Совершенно очевидно, что для писателя (и повествователя) умение понимать стихи, литературу, творчество становится маркером духовной глубины героя, ее тонкости и восприимчивости. Герой читал Надежде стихи – она их не понимала. Не понимала тогда и не понимает теперь – вспоминая прежние встречи, героиня очень просто произносит: «И все стихи мне изволили читать про всякие “темные аллеи”» [Там же, с. 10]. Эпитет «всякие» маркирован, он обнаруживает черствость героини, ее неумение до конца понять героя. Если Николенька знал и любил эти стихи, то Надежда не могла их почувствовать, проникнуться ими. Для нее они были и остались «всякими». Героиня-крестьянка любила молодого барина, но не понимала его – и Бунин умело показывает это.

Герой не отрицает важности и притягательности для него бывших встреч с героиней. Он признает, что она подарила ему «лучшие минуты», «истинно волшебные» [Там же, с. 11], но, как показывает Бунин, он и тогда почувствовал, и ныне понял, что Надежда была далека от него (не в плане социальном, но в психологическом, душевном).

На этом фоне «вина» героя перед героиней оказывается нивелированной, «мнимой»: он не мог быть связан с нею долгими отношениями. Судьба приготовила ему не менее суровые испытания, чем Надежде (нелюбимая жена, озлобленный сын) – но в понимании Бунина герой не вызывает однозначного неприятия. Писатель пытается осознать позицию героя, интерпретировать ее с точки зрения философского отношения к жизни и судьбе человека.

Между тем финальные мысли персонажа «Темных аллея» обычно вызывают негативную реакцию критиков и читателей. И, кажется, в этом осуждении есть доля справедливости. В результате случайной встречи со своей первой любовью герой, с одной стороны, с большой силой осознал, что в Надежде потерял «самое дорогое, что имел в жизни» [Там же], но с другой стороны, он своим поведением (отъездом) как будто бы подтверждал и оправдывал законность прежнего поступка. Гипотетически представляя себе женитьбу на Надежде, уже в тарантасе Николай Алексеевич думал: «Но, боже мой, что же было бы дальше? Что, если бы я не бросил ее? Какой вздор! Эта самая Надежда не содержательница постоянной горницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?» [Там же]. И форма риторического вопроса подсказывает, что ответ на этот вопрос мог быть только отрицательным.

Однако, на наш взгляд, аксиологическая позиция исследователей должна быть пересмотрена. Бунин не осуждает героя, но объясняет его. Новая встреча с бывшей возлюбленной вновь показала герою, что они разные – как тогда, так и теперь. Как прежде героиня не понимала его (и любимые им стихи), так и сейчас она замирает в своей обиде, даже много лет спустя «не прощая» героя, мучимого совестью, страдающего и несчастного в жизни не менее Надежды. Как показывает Бунин, каждый из героев несет в себе частицу света и тьмы, добра и зла, и каждый из них достоин сочувствия и понимания.

Итак, двусоставность обнаруживается в образах и характерах обоих героев рассказа «Темные аллеи». И такая позиция повествователя (автора) принципиальна как для этого рассказа, так и для всех последующих. Титульный рассказ Бунина задает двойственность – философичность – восприятия автором (и героем) событий прожитой жизни. Стареющий писатель как будто бы подводит итоги, изливает на страницы своих поздних рассказов глубокие жизненные наблюдения (конститутивный концепт «память») и демонстрирует сложность и неоднозначность (многогранность) человеческих оценок. То есть *философский ракурс* повествования становится еще одной творческой доминантой поздней прозы Бунина, заданной уже первым рассказом цикла «Темные аллеи».

Таким образом, первый – титульный – рассказ цикла о любви «Темные аллеи» не только вводит в позднюю прозу писателя *тему любви*, не только позволяет выделить концептуальный для художника *мотив памяти*, но задает важный ракурс мировосприятия автора, обнаруживая *философский подход*, избранный прозаиком в позднем творчестве для воплощения и осмысления «обыкновенных» жизненных историй. Права исследователь О. В. Богданова, когда пишет о том, что «рассказ “Темные аллеи” должен... стать своеобразным музыкальным ключом, тональным камертоном, по которому надлежало настроиться на восприятие “самого лучшего и самого оригинального из того, что <Бунин> написал в жизни”» [1, с. 474].

Список источников

1. **Богданова О. В.** Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX века (классика в новом прочтении). СПб.: Береста, 2017. 588 с.
2. **Бунин И. А.** Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Художественная литература, 1967. Т. 9. Освобождение Толстого. О Чехове. Избранные биографические материалы, воспоминания, статьи / подгот. текста и прим. О. Н. Михайлова. 622 с.
3. **Бунин И. А.** Собрание сочинений: в 9-ти т. / под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М.: Художественная литература, 1966. Т. 7. Темные аллеи. Рассказы 1931-1952. 399 с.
4. **Гречнев В. Я.** Цикл рассказов И. Бунина «Тёмные аллеи» (психологические заметки) // Русская литература. 1996. № 3. С. 226-235.
5. **Зимина-Дырда Т. Ю.** Функции цветообразов в портретах персонажей (на примере прозы И. А. Бунина) // Вопросы лингвистики и литературоведения. 2009. № 3. С. 18-22.
6. **Иван Бунин: философский дискурс:** коллективная монография: к 135-летию со дня рождения И. А. Бунина / отв. ред. Е. Т. Атаманова. Елец: ЕГУ, 2005. 280 с.
7. **Карпенко Г. Ю.** Творчество И. А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 1998. 113 с.
8. **Крутикова Л. В.** В мире художественных исканий Бунина (как создавались рассказы 1911-1916 гг.) // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 2. С. 90-120.
9. **Огарев Н. П.** Стихотворения и поэмы. Л.: Советская Россия, 1980. 256 с.
10. **Спивак Р. С.** Энергожизнь рассказа И. Бунина «Темные аллеи» // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». 2010. № 4 (10). С. 156-164.
11. **Сухих И. Н.** Русская любовь в темных аллеях («Темные аллеи» И. Бунина) // Серебряный век русской литературы: сб. ст. / отв. ред. О. В. Богданова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Фак-т филологии и искусств, 2009. С. 201-220.

PHILOSOPHICAL ASPECT OF THE STORY “DARK ALLEYS” BY I. A. BUNIN

Liu Ziyuan

Far Eastern Federal University, Vladivostok
Jiamusi University, China
kaiji1985@163.com

The article is devoted to understanding one of the key works of “late” Bunin in philosophical discourse. “Dark Alleys” opens the cycle of stories with the same name and thus acts as a title work to the entire cycle of stories about love. The author considers the name of the work, the complex image of the main female character, the narration, the ambiguity of human assessments. It is shown that the philosophical perspective of the narrative becomes another creative dominant of Bunin’s late prose, specified already by the first story in the series – “Dark Alleys”.

Key words and phrases: I. A. Bunin; “Dark Alleys” story; image of main character; human nature; spiritual inequality; complexity and ambiguity of person; philosophical approach.

УДК 82-131; 398.22

Дата поступления рукописи: 21.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.8>

Впервые рассмотрен мотив одновременного смеха/плача, распространенный в героическом эпосе бурят. Эпическая формула с плачевыми и смеховыми компонентами имеет устойчивый характер и незначительные вариации. Смех/плач в эпическом нарративе входит в круг действий как главных, так и второстепенных героев, характеризует нестабильное душевное состояние персонажей в неординарной ситуации и выражает такие эмоции, как горе, скорбь, печаль либо радость, счастье. Мотив одновременного смеха и плача в бурятском героическом эпосе связан с архаичными обрядами перехода, элементы которых сохранялись в традиционной обрядности бурят.

Ключевые слова и фразы: буряты; героический эпос; мотив; смех; плач.

Николаева Наталья Никитична, к. филол. н.

Дампилова Людмила Санжибоевна, д. филол. н., доцент
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ
natanika80@mail.ru; dampilova_luda@rambler.ru

МОТИВ СМЕХА/ПЛАЧА В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ БУРЯТ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-512-94006 МОКНМ_а «Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов»).

Мотив одновременного смеха/плача известен в традиционной культуре и фольклоре многих народов, в том числе и бурят. Т. А. Бернштам указывала, что, «во-первых, эмоция является доминантной категорией культуры, т.е. присуща любой ситуации, бытовой и сакрально моделированной (обряд, игра, поведение),